

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.00

ӨӨЖ/УДК/ UDC: 94(574).323.1

<https://doi.org/10.51889/2959-6017.2026.90.3.007>

Э.Р. Кочиев¹, З.Е. Кабульдинов²

¹Младший научный сотрудник, PhD докторант,
Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан
e-mail: elnurkochiyev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0894-1342>

²Д.и.н., профессор, генеральный директор,
Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан
e-mail: kabulzia@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ТУРОК-АХЫСКА В КАЗАХСТАНЕ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ РЕЖИМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ 1956 ГОДА

Аннотация

Введение. В статье предпринята попытка комплексно исследовать процесс адаптации турок-ахыска в Казахстане после отмены режима спецпоселения в 1956 году. Особое значение придается анализу тех условий, при которых снятие ограничений на передвижение не сопровождалось предоставлением права вернуться на прежнее место проживания, что существенно повлияло на особенности их социального положения. Также рассматривается воздействие социально-политических факторов на формирование стратегий адаптации и поддержание этнической идентичности среди депортированного населения. Цель и задачи. Настоящее исследование направлено на анализ особенностей адаптации турок-ахыска в Казахстане в период после отмены специального режима 1956 года. В рамках работы решаются следующие задачи: выявить социальные и политические факторы, оказавшие влияние на процесс адаптации; проанализировать роль языка, религиозных практик и семейно-родственных отношений в поддержании этнической идентичности; исследовать механизмы формирования коллективной памяти; провести сравнительный анализ процессов адаптации в различных государствах постсоветского пространства. Материалы и методы. Данное исследование опирается на изучение архивных материалов и существующих научных публикаций. В качестве методологической базы использованы сравнительно-исторический анализ и контент-анализ документов; дополнительно применены принципы психоисторического подхода для выявления связей между историческим контекстом и проявлениями поведенческих моделей. Результаты. Анализ показал, что адаптация турок-ахыска происходила на нескольких уровнях и характеризовалась сочетанием процессов интеграции с сохранением этнокультурной самобытности. Исследование показало, что для успешной адаптации особенно важны этническая солидарность, религиозные обряды, а также семейные и родственные связи. Заключение. После 1956 года адаптация турок-ахыска в Казахстане отличалась трудностями, возникшими в точке соприкосновения внешних ограничений и внутренних возможностей этой этнической общности. Осмысление собранных данных позволяет глубже и точнее раскрыть особенности адаптационного процесса депортированных народов в рамках советской и последующей постсоветской реальности.

Ключевые слова: месхетинские турки, историческая травма, аккультурация, этнопсихологический контекст, казахстанская идентичность, социокультурная трансформация.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках диссертационного исследования PhD-докторантов, утверждённого приказом Исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби от 29.12.2025 № 6350-б/а на тему: «Турки-ахыска на территории Казахстана: история адаптации и сохранения этнической идентичности (1944–2024 гг.)».

Э.Р. Кочиев¹, З.Е. Қабылдинов²

¹Кіші ғылыми қызметкер, PhD докторант,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан
e-mail: elnurkochiyev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0894-1342>

²Т.ғ.д., профессор, бас директор,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан
e-mail: kabulzia@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>

1956 ЖЫЛҒЫ АРНАЙЫ ҚОНЫС РЕЖИМІ ЖОЙЫЛҒАННАН KEЙІН ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АХЫСКА ТҮРІКТЕРІНІҢ БЕЙІМДЕЛУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аңдатпа

Кіріспе. Мақалада 1956 жылы арнайы қоныс режимі жойылғаннан кейін ахыска түріктерінің Қазақстандағы өмірге қалай бейімделгені қарастырылады. Қозғалыс шектеулерін алып тастау бұрынғы тұрғылықты жеріне оралу құқығын берумен қатар жүрмеген жағдайларды талдауға ерекше мән беріледі, бұл олардың әлеуметтік жағдайының ерекшеліктеріне айтарлықтай әсер етті. Сондай-ақ, әлеуметтік-саяси факторлардың бейімделу стратегияларын қалыптастыруға және депортацияланған халық арасында этникалық сәйкестікті сақтауға әсері қарастырылады. Мақсаты мен міндеттері. Зерттеу арнайы режим жойылғаннан кейін Қазақстандағы ахыска түріктерінің бейімделу ерекшеліктеріне бағытталған. Жұмыс барысында бұл процеске әсер ететін әлеуметтік және саяси факторларды анықтау; сондай-ақ этникалық сәйкестікті сақтаудағы тілдің, діннің және отбасылық байланыстардың рөлін талдау жоспарланды; ұжымдық жадыны қалыптастыру тетіктерін зерттеу; посткеңестік кеңістіктің әртүрлі мемлекеттеріндегі бейімделу процестеріне салыстырмалы талдау жүргізу. Материалдар мен әдістер. Бұл зерттеу мұрағат материалдары мен қолданыстағы ғылыми жарияланымдарды зерттеуге негізделген. Әдістемелік база ретінде салыстырмалы тарихи талдау және құжаттарды мазмұндық талдау пайдаланылды; Тарихи контекст пен мінез-құлық үлгілерінің көріністері арасындағы байланыстарды анықтау үшін психо-Тарихи тәсіл принциптері қосымша қолданылды. Нәтижелер. Талдау көрсеткендей, ахыска түріктерінің бейімделуі бірнеше деңгейде өтті және этномәдени бірегейлікті сақтаумен интеграция процестерінің үйлесімімен сипатталды. Зерттеу барысында сәтті бейімделудің негізгі мәні өзгерген әлеуметтік ортада этникалық сәйкестікті сақтауда маңызды рөл атқарған этникалық ынтымақтастық, діни әдет-ғұрыптар, отбасылық және туыстық қатынастар, сондай-ақ билингвизм екендігі анықталды. Қорытынды. 1956 жылдан кейін Қазақстандағы ахыска түріктерінің бейімделуі осы этникалық қауымдастықтың сыртқы шектеулері мен ішкі мүмкіндіктерінің тоғысында туындаған күрделілікпен сипатталды. Алынған деректерді талдау депортацияланған халықтардың кеңестік және кейінгі посткеңестік шындық шеңберінде бейімделу процесінің ерекшелігін дәлірек түсінуге ықпал етеді.

Түйін сөздер: Ахыска түріктері, Тарихи жарақат, аккультурация, этнопсихологиялық контекст, қазақстандық бірегейлік, әлеуметтік-мәдени трансформация.

Алғыс. Мақала әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Тарих факультетінің 2025 жылғы 29 желтоқсандағы № 6350-б/а бұйрығымен бекітілген PhD докторанттың «Қазақстан аумағындағы ахысқа түріктері: бейімделу және этникалық бірегейлікті сақтау тарихы (1944–2024 жж.)» тақырыбындағы диссертациялық зерттеуі аясында дайындалды.

E.R. Kochiyev¹, Z.E. Kabuldinov²

¹Junior researcher, PhD student,

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan

e-mail: elnurkochiyev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0894-1342>

²Doctor of Historical Sciences, Professor, general director,

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan

e-mail: kabulzia@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>

PECULIARITIES OF ADAPTATION OF THE AHISKA TURKS IN KAZAKHSTAN AFTER THE ABOLITION OF THE SPECIAL SETTLEMENT REGIME IN 1956

Abstract

Introduction. The article explores how the Ahiska Turks adapted to life in Kazakhstan following the end of the special settlement regime in 1956. Particular importance is attached to the analysis of those conditions under which the lifting of restrictions on movement was not accompanied by the granting of the right to return to their former place of residence, which significantly affected the specifics of their social status. The impact of socio-political factors on the formation of adaptation strategies and the maintenance of ethnic identity among the deported population is also considered. This study aims to examine how the Ahiska Turks adapted to life in Kazakhstan following the end of the special regime. It focuses on the particular challenges and changes they faced during this period. The following tasks were set as part of the work: to identify social and political factors influencing the adaptation process; to analyze the importance of language, religious practices and family relations for maintaining ethnic identity; to study the mechanisms of collective memory formation; to conduct a comparative analysis of adaptation processes in various states of the post-Soviet space. **Materials and methods.** This research is based on the study of archival materials and existing scientific publications. Comparative historical analysis and content analysis of documents were used as a methodological basis; additionally, the principles of the psychohistorical approach were applied to identify the links between the historical context and the manifestations of behavioral patterns. **Results.** The analysis revealed that the Ahiska Turks adapted in multiple ways and was characterized by a combination of integration processes with the preservation of ethno-cultural identity. The study revealed that the main importance for successful adaptation was ethnic solidarity, religious rituals, family and kinship relations, as well as bilingualism, which played an important role in maintaining ethnic identity in a changed social environment. **Conclusion.** The adaptation of the Ahiska Turks in Kazakhstan after 1956 was characterized by the complexity that arose at the junction of the external limitations and internal capabilities of this ethnic community. The analysis of the data obtained contributes to a more accurate understanding of the specifics of the process of adaptation of deported peoples within the framework of the Soviet and subsequent post-Soviet reality.

Key words: Meskhetian Turks, historical trauma, acculturation, ethnopsychological context, Kazakh identity, sociocultural transformation.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the dissertation research of PhD doctoral students, approved by Order No. 6350-b/a of the Faculty of History of Al-Farabi Kazakh National University dated December 29, 2025, entitled «Ahiska Turks in Kazakhstan: History of Adaptation and the Preservation of Ethnic Identity (1944–2024)».

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью более глубокой проработки процессов адаптации депортированных народов на территории СССР в условиях трансформации государственной национальной политики и социальных практик во второй половине XX века. Особое внимание уделяется туркам-ахыска, депортированным в 1944 году с территории Южной Грузии в республики Средней Азии и Казахстан. В отличие от ряда других депортированных этносов, их положение в послесталинский период сохраняло значительные ограничения, прежде всего связанные с невозможностью возвращения на историческую родину.

Формальное смягчение правового статуса этой группы после отмены режима спецпоселения в 1956 году имело двойственный характер. С одной стороны, были сняты ограничения на передвижение и трудовую деятельность, с другой – отсутствовали юридические механизмы для репатриации. Это фактически закрепило турок-ахыска в новых местах расселения, в том числе в Казахстане. В таких условиях формировались адаптационные стратегии, существенно отличавшиеся от опыта других депортированных групп.

Процесс адаптации турок-ахыска в этих обстоятельствах приобретает многоаспектный характер, охватывая социально-экономическое, культурное, этническое и психологическое измерения. Особое значение имеет анализ способов сохранения этнической идентичности в условиях вынужденного расселения и длительного проживания вне исторической территории. Под этнической идентичностью в исследовании понимается комплекс устойчивых характеристик, включающий язык, религиозную принадлежность, культурные практики, внутригрупповые нормы взаимодействия и элементы коллективной памяти, обеспечивающие воспроизводство этнического сообщества.

Несмотря на значительный массив исследований депортационной политики СССР, проблема адаптации турок-ахыска в постспецрежимный период остаётся недостаточно изученной. Недостаточно внимания уделяется взаимосвязи исторических обстоятельств с психологическими механизмами адаптации, что обуславливает фрагментарность существующих научных представлений. Кроме того, в ряде работ используются обобщённые и оценочные формулировки, затрудняющие всестороннее понимание специфики адаптационных стратегий данной группы.

Основной вопрос исследования заключается в выявлении особенностей адаптации турок-ахыска в Казахстане после 1956 года на фоне сочетания формального снятия ограничений и фактической невозможности возвращения на историческую родину. Центральное внимание уделяется тому, каким образом эти условия влияли на формирование устойчивых моделей поведения, социальных практик и механизмов сохранения этнической идентичности.

Важным аспектом является также уточнение содержания понятия «адаптация» применительно к туркам-ахыска. В рамках исследования адаптация трактуется как многоуровневый процесс, включающий социальную интеграцию, экономическое приспособление, формирование прочных внутригрупповых связей и сохранение этнокультурных характеристик в новых условиях проживания.

Исходная гипотеза предполагает, что адаптация турок-ахыска в Казахстане после отмены режима спецпоселения имела сложный и многослойный характер и определялась взаимодействием внешних факторов, включая государственную политику и социально-экономическую среду, с внутренними факторами, такими как этнокультурные традиции, религиозные практики и семейно-родственные связи. Предполагается, что именно синтез этих факторов обеспечивал одновременную интеграцию группы в принимающее общество и сохранение её этнической самобытности.

Таким образом, исследование нацелено на комплексный анализ процессов адаптации турок-ахыска с учётом их исторического контекста и психологического содержания, что

способствует более точному определению положения данной группы в системе межэтнических отношений Казахстана во второй половине XX века.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют архивные документы государственных архивов Республики Казахстан и Российской Федерации, а также опубликованные нормативные акты, воспоминания очевидцев и результаты научных исследований. Наиболее значимыми являются материалы, позволяющие воспроизвести механизм депортации, определить правовой статус турок-ахыска и охарактеризовать условия их последующей адаптации.

В работе использованы документы нижеследующих архивных фондов, отражающие решения о депортации турок-ахыска, их размещении в Казахстане, материальном и трудовом устройстве, а также оказании продовольственной помощи спецпереселенцам. Особое значение имеют постановление ГОКО № 6279сс от 31 июля 1944 г., документы партийных и советских органов Алма-Атинской, Джамбулской, Южно-Казахстанской и Кызыл-Ординской областей, переписка с союзным руководством.

Данные архивные материалы включают отчёты органов НКВД, статистические сведения о переселении, документы административного управления, а также переписку государственных органов. Это позволяет воспроизвести как институциональные механизмы депортации, так и обстоятельства последующего расселения и адаптации.

Особое значение придаётся нормативным актам, в частности приказам НКВД СССР, таким как № 160 и № 5279, регулировавшим порядок депортации и расселения переселенцев. Анализ этих документов позволяет выделить административно-правовые основания переселения и выявить специфику реализации государственной политики в отношении депортированных групп.

Важным дополнением к официальным данным выступают устные свидетельства и воспоминания представителей турок-ахыска, которые дают возможность учитывать субъективное восприятие событий и выявить психологические аспекты адаптации, не отражённые в официальных документах.

При работе с источниками учитывались их специфические особенности. Архивные документы зачастую имеют фрагментарный характер, содержат повреждения текста, а также неточности в персональных данных и статистических показателях. Кроме того, в некоторых случаях представители турок-ахыска фиксировались под другими этнонимами, например, «азербайджанцы», что требует дополнительной критики и сверки источников. Следует также учитывать, что официальная отчётность советского периода могла не полностью отражать действительность ввиду идеологической обусловленности и особенностей учёта населения.

Методологическая основа исследования построена на комплексе взаимодополняющих методов. Сравнительно-исторический метод использован для сопоставления адаптационных процессов турок-ахыска с аналогичными процессами у других депортированных народов, в частности чеченцев, ингушей и крымских татар. Это позволило выявить общие тенденции и отличительные черты положения рассматриваемой группы.

Историко-генетический метод использован для анализа причинно-следственных связей между депортацией, изменением правового статуса после 1956 года и формированием адаптационных стратегий.

Контент-анализ архивных документов и научных публикаций позволил систематизировать сведения о социальных условиях, характере расселения и механизмах интеграции турок-ахыска.

Элементы психоисторического подхода использованы для интерпретации коллективных реакций на депортацию, формирования коллективной памяти и устойчивых моделей поведения в условиях вынужденного переселения.

Совокупность перечисленных методов обеспечила комплексный анализ процесса адаптации турок-ахыска с учётом его институциональных, социальных и психологических аспектов.

Результаты и обсуждение

Современное изучение историко-психологической адаптации турок-ахыска в Казахстане характеризуется фрагментарностью и недостаточной междисциплинарной интеграцией. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых депортации и расселению данной группы, комплексный анализ адаптации как историко-психологического явления остаётся недостаточно разработанным. В научных исследованиях преобладают историко-описательные и социокультурные подходы, тогда как работы, объединяющие институциональные, культурные и психологические аспекты, представлены в ограниченном объёме [1, с. 77].

Первое направление исследований посвящено депортации 1944 года и её последствиям. В этом направлении работают Ахмедова, Дьяченко, Аяган, Ибрашева и Озмен, Айдынгюн, Пирцхалава и Сурманидзе. Они рассматривают депортацию как ключевой фактор, определивший последующее развитие адаптационных процессов. В этих исследованиях подчёркивается системный характер насильственного переселения, сопровождавшегося тяжёлыми социально-экономическими условиями, которые оказали долговременное влияние на социальную структуру группы и её психологическое состояние. Депортация при этом рассматривается не только как проявление репрессивной политики, но и как фактор консолидации этнической группы. Аяган обращает внимание на особенности государственной политики в послевоенный период, в частности на отсутствие полноценной реабилитации, повлиявшее на формирование специфического правового статуса турок-ахыска. Это обстоятельство замедлило процессы интеграции и создало условия для сохранения статуса «ограниченной включённости» в социальную структуру [2, с. 84–97].

Ибрашева и Озмен отмечают, что запрет на возвращение на историческую родину после 1956 года способствовал превращению Казахстана в пространство вынужденной, но постепенно институционализирующейся адаптации. В целом авторы данного направления рассматривают депортацию как базовый исторический фактор, определивший социальные и психологические механизмы адаптации. Вместе с тем адаптация в этих работах преимущественно представлена как реакция на внешние условия, тогда как внутренним психологическим процессам уделено меньше внимания [3, с. 1-14].

Второе направление исследований сосредоточено на механизмах социокультурной адаптации, включая язык, религию, семейные структуры и этническую солидарность. Эти исследования рассматривают адаптацию турок-ахыска в Казахстане в контексте межэтнического взаимодействия, подчёркивая значение принимающего общества и роль казахского социума в обеспечении культурной и психологической стабильности. Подобные выводы отражены в трудах Казиева, который связывает успех адаптации с мобилизацией труда и коллективистскими практиками [4, с.83-93].

Айдынгюн предлагает концептуализацию этнической идентичности турок-ахыска как подвижной категории, формирующейся в условиях институционального непризнания и социальной маргинализации, при этом идентичность исполняет компенсаторную функцию, обеспечивая психологическую устойчивость в ситуации неопределённости [5, с.185-197].

Некоторые исследователи выделяют значение этнической солидарности, языка и религии как инструментов сохранения групповой целостности, а Гусейнова указывает на трансформацию идентичности в межпоколенческом разрезе и растущую языковую ассимиляцию среди молодёжи. В рамках данного подхода адаптация рассматривается как процесс балансирования между интеграцией и сохранением этнокультурной самобытности. Однако и здесь психологический аспект зачастую носит описательный характер и не получает достаточной теоретической разработки [6, с.5-9].

Ряд исследований сосредоточен на анализе социально-экономических механизмов адаптации и роли институтов. Например, включение турок-ахыска в хозяйственную систему способствовало их социальной легитимации и формированию образа «трудового меньшинства». Также существуют особенности образовательных механизмов адаптации, их значения в институциональной среде для интеграции молодого поколения [7, с.39-44].

В некоторых исследованиях акцентируется роль принимающего общества, от установок которого во многом зависит успешность интеграции мигрантов. Осипов анализирует значение общественных организаций как инструмента институционализации этничности и перехода от пассивной адаптации к активной социальной позиции. Данный подход демонстрирует, что адаптация определяется не только внутренними ресурсами общины, но и внешними институциональными условиями. Однако психологическое измерение в этих работах также остаётся вторичным [8, с.277-403].

Наиболее перспективным направлением является изучение адаптации через призму исторической памяти, травмы и межпоколенческой передачи опыта. Исследователи рассматривают депортацию как травматический опыт, трансформирующийся в устойчивые модели поведения и передаваемый через семейные практики. Исследования показывают, что коллективная память выполняет двойственную функцию: с одной стороны, она закрепляет травматический опыт, с другой – выступает ресурсом устойчивости и консолидации. Сходные процессы выявлены и у других депортированных групп, что позволяет говорить о типологических закономерностях [9, с.466-480].

В рамках данного подхода формируется представление об адаптации как о процессе переработки исторической травмы и её интеграции в коллективное сознание. Однако системных междисциплинарных исследований, объединяющих историю и психологию, по-прежнему недостаточно. Современная историография расширяет рамки анализа, включая транснациональные и сравнительные перспективы. Турецкие исследователи показывают, что ключевые элементы идентичности (язык, религия, семья) сохраняются независимо от страны проживания [10, с.187-216].

Сравнительные исследования показывают, что адаптация турок-ахыска отличается от опыта других депортированных народов большей степенью диаспоральности и устойчивой ориентацией на историческую родину. Анализ литературы позволяет выделить ряд нерешённых проблем: недостаточную разработанность психологического аспекта адаптации, поскольку большинство исследований ограничивается фиксацией факторов и не раскрывает механизмов их действия; отсутствие междисциплинарного синтеза, вследствие чего исторические и психологические исследования по-прежнему развиваются раздельно; слабую изученность межпоколенческой динамики, поскольку практически отсутствуют работы, прослеживающие трансформацию идентичности на протяжении нескольких поколений; недостаточную региональную дифференциацию внутри Казахстана; ограниченное количество психолингвистических исследований роли языка в процессах адаптации; а также фрагментарность гендерных исследований, несмотря на признание значимой роли женщин в сохранении культурной памяти [11, с.14-26].

Историография проблемы демонстрирует переход от описания депортации к изучению сложных механизмов адаптации, включающих социальные, культурные и психологические компоненты. Вместе с тем степень изученности этих аспектов остаётся неравномерной. Исторический и социокультурный компоненты исследованы значительно лучше, тогда как историко-психологическое измерение адаптации требует дальнейшего теоретического осмысления и эмпирического изучения. Это определяет научную новизну и актуальность настоящего исследования, направленного на комплексный анализ адаптации турок-ахыска в Казахстане как историко-психологического процесса. Полученные в ходе исследования данные позволяют системно реконструировать процесс постспецрежимной адаптации турок-ахыска в Казахстане как многоуровневое историко-психологическое явление, включающее

институциональные ограничения, социокультурные трансформации и формирование устойчивых моделей коллективного поведения.

Прежде всего, анализ архивных источников подтверждает организованный и нормативно регламентированный характер депортации 1944 года. В документах Государственного Комитета Оборона и НКВД СССР зафиксированы механизмы выселения, включая учёт переселяемых, маршруты транспортировки и распределение по регионам. Согласно материалам РГАСПИ [12], решение о выселении сопровождалось инструкциями по конфискации имущества и административному контролю над переселенцами. В документах ГАРФ [13] отражены отчёты о размещении спецпереселенцев в Казахской ССР, в которых отмечается нехватка жилья, продовольствия и медицинской помощи. Эти материалы показывают, что депортация представляла собой не только акт насильственного переселения, но и систему длительного административного контроля.

Материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан [14] фиксируют распределение турок-ахыска по колхозам и совхозам, а также их обязательства по трудовой мобилизации. В отчётах отмечается, что переселенцы привлекались к сельскохозяйственным работам независимо от прежней профессиональной специализации. Это подтверждает вынужденный характер экономической адаптации, происходившей в условиях ограниченного выбора.

Отдельное значение имеет уточнение правового статуса турок-ахыска в период 1944–1956 гг. Документы Архива Президента Республики Казахстан свидетельствуют о действии режима спецпоселений, предусматривавшего ограничения на передвижение, обязательную регистрацию и административный надзор. Приказы НКВД СССР, включая № 160, регламентировали порядок учёта спецпереселенцев и ответственность за нарушение режима. Следовательно, адаптация в этот период происходила в условиях институционального давления и не может рассматриваться как добровольный процесс интеграции [15].

Сопоставление архивных данных с устными свидетельствами выявило важную закономерность: несмотря на тяжёлые условия существования, формировались устойчивые механизмы коллективного выживания. К ним относились взаимопомощь, перераспределение ресурсов внутри общины и формирование неформальных сетей поддержки. Эти практики подтверждаются как документально (отчёты местных органов власти о «самоорганизации переселенцев»), так и воспоминаниями очевидцев, в которых подчёркивается роль соседской и родственной поддержки [16].

Следующий значимый результат связан с периодом после отмены спецрежима в 1956 году. Архивные материалы показывают, что формальная либерализация не сопровождалась полной институциональной реабилитацией. В документах отсутствуют указания на предоставление права возвращения в места исходного проживания, что подтверждает длительный характер вынужденной оседлости в Казахстане. В этот период адаптация приобретает иной характер: от принудительного выживания она постепенно переходит к социальной интеграции.

Анализ динамики 1960-1980-х годов показывает переход к устойчивым формам социально-экономического участия. В отчётах местных органов фиксируется рост занятости турок-ахыска в сельском хозяйстве, строительстве и сфере услуг. При этом сохраняется тенденция к компактному проживанию, способствующая воспроизводству этнокультурных норм. Это позволяет рассматривать сочетание интеграции и культурной автономии как одну из ключевых моделей адаптации.

С психологической точки зрения результаты исследования показывают формирование так называемого «адаптационного ядра», включающего устойчивые ценности и поведенческие стратегии. К ним относятся приоритет семейных и родственных связей, высокая значимость религиозных норм, ориентация на трудовую дисциплину, коллективизм и взаимная ответственность. Эти элементы зафиксированы как в этнографических наблюдениях, так и в устных источниках, где подчёркивается их роль в преодолении последствий депортации.

Особое место в результатах исследования занимает трансформация идентичности. Анализ эмпирических данных показывает, что идентичность турок-ахыска в Казахстане имеет многослойный характер. Во-первых, это этнический компонент, что есть осознание принадлежности к ахыска-туркам. Во-вторых, религиозный компонент, коим является ислам как нормативная система. В-третьих, гражданский компонент, то есть принадлежность к Казахстану. Такое сочетание подтверждает гипотезу исследования о формировании гибридной идентичности как механизма адаптации.

Результаты также показывают ключевую роль межпоколенческой динамики. Старшее поколение ориентировано на сохранение памяти о депортации и традиционных норм, тогда как молодое поколение характеризуется большей включённостью в образовательные и социальные институты Казахстана. Это способствует формированию новых моделей поведения, сочетающих традиционные и современные элементы.

Важную роль в процессе адаптации играет язык. Эмпирические данные подтверждают функционирование трёхязычной модели. Родной (староосманский) язык используется в семейной и культурной среде. Казахский язык используется в межэтническом взаимодействии. Русский язык служит основным языком образования и профессиональной сферы. Данная модель одновременно обеспечивает интеграцию и сохранение этнокультурной специфики.

Анализ современных процессов (1990-е гг. по настоящее время) показывает переход к институционализированной форме адаптации. Создание этнокультурных объединений, участие в Ассамблее народа Казахстана и развитие общественных организаций свидетельствуют о превращении адаптации из преимущественно неформального процесса в более структурированный механизм взаимодействия с государством.

Сопоставление полученных результатов с данными обсуждения подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что адаптация турок-ахыска носит не линейный, а стадийный характер и включает три ключевых этапа. Первый этап, выживание (1944–1956 гг.). Второй, социальная стабилизация (1960–1980-е гг.). Третий, интеграция и институционализация (с 1990-х гг.).

Каждый из этапов характеризуется специфическими психологическими и социальными механизмами, что подтверждается как архивными источниками, так и научной литературой.

Таким образом, результаты исследования показывают, что адаптация турок-ахыска в Казахстане представляет собой сложный процесс, обусловленный сочетанием внешних факторов (государственная политика, экономические условия) и внутренних факторов (культура, религия, коллективная память). Полученные данные позволяют не только подтвердить гипотезу, но и уточнить механизмы историко-психологической адаптации, что способствует восполнению выявленных в историографии пробелов.

Заключение. Проведённое историко-психологическое исследование показало, что адаптация турок-ахыска в Казахстане представляет собой сложный, многоуровневый и длительный процесс, который нельзя свести исключительно к социально-экономической или культурной интеграции. Этот процесс сопровождался трансформацией коллективной идентичности, формированием устойчивых моделей поведения и развитием механизмов внутренней самоорганизации в условиях внешних ограничений.

В ходе исследования подтверждена выдвинутая гипотеза о стадийном характере адаптации. Процесс проходил через три взаимосвязанных этапа:

первый этап характеризовался экстремальными условиями выживания в период депортации и действия спецрежима, когда основными задачами были физическое сохранение жизни и формирование базовых механизмов коллективной поддержки;

второй этап связан с постепенной социальной стабилизацией, включением в экономическую и общественную жизнь, а также сохранением и укреплением культурных и семейных структур;

третий этап отражает переход к активной интеграции в условиях независимого Казахстана, сопровождавшийся институционализацией этнокультурной жизни и расширением участия в общественных процессах.

Травматический опыт депортации не привёл к разрушению этнической идентичности, а, напротив, способствовал её консолидации. Коллективная память о пережитых событиях стала одним из ресурсов устойчивости и способствовала формированию ценностной системы, основанной на взаимопомощи, семейной солидарности, трудовой этике и религиозно-нравственных нормах.

К основным механизмам адаптации относятся:

- развитые формы внутригрупповой поддержки и коллективизма;
- сохранение и передача культурных и религиозных норм;
- высокая роль семьи как института социальной и психологической защиты;
- трудовая активность как средство интеграции и социальной мобильности;
- языковая гибкость, обеспечивающая включённость в многонациональную среду при сохранении этнической самобытности.

Адаптация турок-ахыска носит интегративный характер, сочетая включённость в социально-экономическую систему Казахстана с сохранением этнокультурной специфики. В результате сформировалась устойчивая модель сосуществования, при которой этническая идентичность не препятствует интеграции, а способствует её сохранению.

Особое значение имеет межпоколенческая трансформация идентичности. Современное поколение демонстрирует более гибкие и многослойные формы самосознания, сочетающие этнические, гражданские и культурные компоненты. Это свидетельствует о переходе от модели замкнутой адаптации к более открытой и динамичной интеграции.

Полученные результаты также указывают на значимую роль принимающей социальной среды. Казахская модель межэтнического взаимодействия создала условия для снижения конфликтности, развития толерантности и сохранения культурного разнообразия, что существенно повлияло на успешность адаптационных процессов.

На основе полученных результатов сформулированы следующие практические рекомендации:

- учитывать исторический опыт адаптации турок-ахыска при разработке государственной политики в сфере межэтнических отношений и интеграции миграционных и депортированных сообществ;
- развивать институциональную поддержку этнокультурных объединений как механизмов сохранения языка, традиций и исторической памяти;
- усиливать программы межкультурного диалога, направленные на формирование устойчивой и толерантной социальной среды;
- поддерживать развитие многоязычия как инструмента социальной интеграции и межэтнического взаимодействия;
- расширять участие молодёжи в образовательных, культурных и цифровых проектах, способствующих сохранению исторической памяти и развитию гибкой идентичности;
- внедрять результаты историко-психологических исследований в образовательные программы с целью формирования культуры межэтнического взаимодействия и гражданской идентичности;
- стимулировать междисциплинарные исследования, направленные на изучение психологических механизмов адаптации, межпоколенческой динамики и трансформации идентичности.

Таким образом, адаптация турок-ахыска в Казахстане представляет собой пример устойчивого развития этнического сообщества в условиях исторической травмы и социальной трансформации. Полученные результаты показывают, что сочетание внутренних ресурсов

общины и благоприятной общественной среды способствует сохранению этнокультурной идентичности и её интеграции в современное общество.

Список использованной литературы:

1. Ахмедова О.А. К истории принудительного переселения турков-месхетинцев в Узбекистан // Редакционная коллегия: Шайдулов В.Н., Иноятowa Д.М., Левашко В.О., Абдуллаев У.И. – 2023. – С. 77.
2. Аяган Б. Г. К вопросу о депортации народов Северного Кавказа в Казахскую ССР в годы Великой Отечественной войны 1944 г. [по данным казахстанских архивов] // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 84–97. DOI: 10.32653/CH19184-97.
3. İbraşeva Ş., Özmen S. Forced Relocation of Caucasian Turks to Kazakhstan // Bilecik Şeyh Edebali Üniversitesi Bilimler Dergisi. – 2020. – Vol. 5, No. 1. – P. 1–14. DOI: 10.33905/bseusbed.655340.
4. Казиев С. Ш. Парии, партнеры и конкуренты: «наказанные» народы и местное население в Казахстане [1941–1953 гг.] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 14 [369]. – С. 83–93.
5. Aydingün A. Creating, Recreating and Redefining Ethnic Identity: Ahiska/Meskhetian Turks in Soviet and post-Soviet Contexts // Central Asian Survey. – 2002. – Vol. 21, No. 2. – P. 185–197.
6. Гусейнова М. Д. Возникновение и культурная адаптация ахыска турок в Киргизской Республике // Международный журнал экспериментального образования. – 2020. – № 5. – С. 5–9.
7. Алиева-Чынар М. И., Татаринцева И. Н. Проблемы адаптации в образовательную сферу детей турок Ахыска, мигрировавших в Турцию // Гуманитарные науки. – 2021. – № 4 [56]. – С. 39–44.
8. Осипов А. Г. Публичная репрезентация месхетинцев // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. – 2018. – С. 277–403.
9. Шериязданов Б. Р., Аканов К. Г. Депортированные в Казахстан корейцы: историческая память и опыт адаптации // Отан тарихы. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 466–480. DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_2_466-480.
10. Poyraz T., Güler A. Ahıska Kimliğinin Göç Sürecinde İnşası: Amerika'ya Göç Eden Ahıska Türkleri // Bilig. – 2019. – No. 91. – P. 187–216. DOI: 10.12995/bilig.9108.
11. Oh C. J. Comparative Analysis of the Ahıska [Meskhetian] Turks and Koreans in Post-soviet Kazakhstan and Uzbekistan: The Making of Diaspora Identity and Culture // Millî Folklor. – 2012. – Vol. 24, No. 94. – P. 14–26.
12. Российский государственный архив социально-политической истории, Ф.17. Оп.162. Д. 9.
13. Государственный архив Российской Федерации, Ф. 9479. Оп. 1. Д. 37.
14. Центральный государственный архив Республики Казахстан, Ф. 1418. Оп. 2. Д. 215.
15. Архив Президента Республики Казахстан, Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 7.
16. Архив Президента Республики Казахстан, Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 8.

References:

1. Akhmedova O. A. K istorii prinuditel'nogo pereseleniya turkov-meskhetintsev v Uzbekistan // Redaktsionnaya kollegiya: Shaydurov V. N., Inoyatova D. M., Levashko V. O., Abdullayev U. I. – 2023. – S. 77.
2. Ayagan B. G. K voprosu o deportatsii narodov Severnogo Kavkaza v Kazakhskuyu SSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1944 g. [po dannym kazakhstanskikh arkhivov] // Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza. – 2023. – T. 19. – № 1. – S. 84–97. DOI: 10.32653/CH19184-97.

3. İbraşeva Ş., Özmen S. *Forced Relocation of Caucasian Turks to Kazakhstan* // *Bilecik Şeyh Edebali Üniversitesi Bilimler Dergisi*. – 2020. – Vol. 5, No. 1. – P. 1–14. DOI: 10.33905/bseusbed.655340.
4. Kaziev S. Sh. *Parii, partnery i konkurenty: «nakazannyye» narody i mestnoye naseleniye v Kazakhstane [1941–1953 gg.]* // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2015. – № 14 [369]. – S. 83–93.
5. Aydingün A. *Creating, Recreating and Redefining Ethnic Identity: Ahıska/Meskhethian Turks in Soviet and post-Soviet Contexts* // *Central Asian Survey*. – 2002. – Vol. 21, No. 2. – P. 185–197.
6. Guseynova M. D. *Vozniknoveniye i kul'turnaya adaptatsiya akhyska turok v Kirgizskoy Respublike* // *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. – 2020. – № 5. – S. 5–9.
7. Aliyeva-Chynar M. I., Tatarintseva I. N. *Problemy adaptatsii v obrazovatel'nyuyu sferu detey turok Akhyska, mizrirovavshikh v Turtsiyu* // *Gumanitarnyye nauki*. – 2021. – № 4 [56]. – S. 39–44.
8. Osipov A. G. *Publichnaya reprezentatsiya meskhetintsev* // *Arkheologiya i etnografiya pontiysko-kavkazskogo regiona*. – 2018. – S. 277–403.
9. Sheriyazdanov B. R., Akanov K. G. *Deportirovannyye v Kazakhstan koreytsy: istoricheskaya pamyat' i opyt adaptatsii* // *Otan tarikhy*. – 2024. – T. 27. – № 2. – S. 466–480. DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_2_466-480.
10. Poyraz T., Güler A. *Ahıska Kimliğinin Göç Sürecinde İnşası: Amerika'ya Göç Eden Ahıska Türkleri* // *Bilig*. – 2019. – No. 91. – P. 187–216. DOI: 10.12995/bilig.9108.
11. Oh C. J. *Comparative Analysis of the Ahıska [Meskhethian] Turks and Koreans in Post-soviet Kazakhstan and Uzbekistan: The Making of Diaspora Identity and Culture* // *Millî Folklor*. – 2012. – Vol. 24, No. 94. – P. 14–26.
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii, F. 17. Op. 162. D. 9.
13. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii, F. 9479. Op. 1. D. 37.
14. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan, F. 1418. Op. 2. D. 215.
15. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, F. 708. Op. 1/1. D. 7.
16. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, F. 708. Op. 1/1. D. 8.